

ІСТОРИОГРАФІЧНА КЛАСИКА

УДК 930.1 (477) «1846»

Н.И.КОСТОМАРОВ

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ МАЛОРОССИИ

У поданій нижче статті М.Костомарова висвітлюється пізнавальна ситуація, котра склалася в українській історичній думці 1846 р. Порушується проблема «двох галузей російського народу», що пізніше трансформується у відому формулу М.Костомарова про «дві російські народності». Висувається теза про дві фази в екзистенції козацтва, а також обстоюється думка стосовно потреби представлення суспільства як своєрідного духовного організму.

Ключові слова: українська історіографія, Костомаров, 1846 р.

Для українського історієписання 1846-й рік був досить цікавою та своєрідною сторінкою інтелектуальної й культурної історії. Харківські інтелектуали-романтики дедалі більше втрачали свої позиції, котрі поступово сприймалися та засвоювалися на новому київському підґрунті. Ці культурні й інтелектуальні метаморфози були настільки разючими, що Дж.Решетар і О.Пріцак свого часу навіть обстоювали тезу про перехід від харківської до київської стадії українського національного руху XIX ст.¹ У широкому сенсі розгорталася культурна та суспільна трансформація підросійської України, яку здебільшого тлумачать у межах конфлікту традиційного й модерного.

Передусім поважні перетворення відбулися у царині культурної свідомості малоросійських/українських інтелектуалів. Неформальні практики «київської молоді», за висловом П.Куліша, просвіченої Святим Письмом², виплекали народження Кирило-Мефодіївського братства. Діапазон інтелектуальних і духовних орієнтирів братчиків був напрочуд широким: західноєвропейські романтичні концепти, пізньопросвітицькі та, заразом, преромантичні ідеї Ж.-Ж.Руссо, Й.Г.Гердера, раннє слов'янофільство й панславізм, зокрема федералістські ідеали «об'єднаних слов'ян», месіанські пошуки польських мислителів, найперше А.Міцкевича, християнський демократичний соціалізм за версією Ю.-Ф. де Ламенне, народницько-демократичні устремління мадзіністів та ін. Не випадково кирило-мефодіївців інколи називають молодим або новим українським рухом, нав'язуючи певні порівняльні паралелі до «Молодої Європи», заснованої Дж.Мадзіні 1834 р.

Утім, цей спектр інтелектуальних, культурних і духовних впливів видається неповним, якщо не згадати про офіційні практики 1830–1840-х рр. із виразним антипольським/антикатолицьким/антиуніятським рефреном у Південно-Західному краї, котрі, за словами

¹ Pritsak O., Reshetar J. The Ukraine and the Dialectic of Nation-Building // Slavic Review. – 1963. – Vol.22, №2. – P.249–250.

² Куліш П. Історичне оповідання: Із збірки «Хуторна поезія» // Його ж. Твори: У 2 т. / Упор., прим. і вступ. ст. Є.Нахліка. – Т.1. – К., 1994. – С.359.

М. Драгоманова, мали «надати краю російського вигляду»³. Такі урядові настанови розгорнули специфічний горизонт можливостей для багатьох учених-гуманітаріїв, які проводили академічні студії з перспективи вивчення «народного духу» й одночасно зберігали/декларували лояльність до імперської влади⁴. Відтак дослідницькі інтенції низки місцевих інтелектуалів на студіювання «народної історії» перетнулися з офіційними настановами, скерованими на витіснення польських культурних взірців, що позначилося на освітніх практиках Університету св. Володимира та видавничих пріоритетах Київської археографічної комісії.

Таке строкате й калейдоскопічне нашарування різноманітних впливів, соціокультурних передумов, неповторної київської атмосфери та кон'юнктурних урядових вимог тією чи іншою мірою відображено в анонімній статті 1846 р. (підписано: «Сообщено из Киева») «Думки про історію Малоросії», котра належить перу українського історика Миколи Івановича Костомарова (1817–1885 рр.)⁵. Вона була ідентифікована за його згадкою на слідстві у справі кирило-мефодіївських братчиків⁶. У видовому плані ця розвідка є рецензійною статтею з елементами есе. Формальним приводом для її написання був відгук М. Костомарова на появу першого тому «Пам'яток, виданих Тимчасовою комісією для розбору давніх актів» (1845 р.), який автор використав для представлення власних роздумів щодо написання «малоросійської історії».

Наріжною проблемою тексту раннього М. Костомарова виступає питання про те, як вписати малоросійський дискурс до великоросійської, точніше імперської, історії? Відповіді чи підходи, котрі пропонував автор, відображали його романтичний стиль мислення, скерований на героїко-художнє осягнення української минувшини, насамперед її «народного духу» в місцевому, малоросійському, контексті.

Скажімо, у розвідці М. Костомарова у зародковому вигляді («два відгалуження російського народу», «народна подвійність») фактично вимальовується майбутня авторська теза про «дві російські народності», хоч і єдиного «російського світу», котра пізніше спричинилася до виокремлення культурного й політичного українства з цієї системи соціокультурних координат та ідеологічних уявлень. Окрім того, текст М. Костомарова містить низку спостережень і роздумів, які повною мірою розкрилися в його історичному письмі 1860–1870-х рр.: обстоювання художньо-мистецької репрезентації минувшини, думка про духовну спорідненість і навіть спадкоємність устрою Русі та Гетьманщини, теза про дві фази в духовній екзистенції козацтва, представлення суспільства як духовного організму («тіла») та ін. Циркулюють у зазначеній розвідці й мотиви відомої полеміки «південців» та «півничан», які автор намагався представити у світлі романтичного світобачення, а також біблійна стилізація, котра яскраво проступила у «Книзі буття українського народу».

У рецензійній статті М. Костомарова споглядаємо й низку антипольських/антикатолицьких конотацій, що їх витокі пов'язані як із героїко-романтичними уявленнями, так і зі згаданими урядовими практиками. У певному сенсі авторські зауваги варто розглядати і як приховану полеміку з російськими та польськими інтелектуалами навколо висвітлення історії Малоросії/України. Зазначимо, що у пресі розгорнулася доволі гостра дискусія навколо представлення минувшини у відомому п'ятитомнику М. Маркевича⁷, відлуння якої відчувається в роздумах М. Костомарова. Зрештою, слід згадати про особисту дитячу

³ Драгоманов М. Евреи и поляки в Юго-Западном крае: По новым материалам для Юго-Западного края // Вестник Европы. – 1875. – №7. – С.155.

⁴ Грушевський О. З київської історіографії 1840-х рр. [машинопис статті] // Ін-т рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського. – Ф.10. – Спр.17182. – Арк.5–7.

⁵ [Костомаров Н.И.]. Мысли об истории Малороссии // Библиотека для чтения. – 1846. – Т.78, №9. – С.21–42.

⁶ Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. / Упор. М.І.Бутич, І.Г.Глизь, О.О.Франко. – Т.1. – К., 1990. – С.285.

⁷ [Сенковський О.-Ю.]. Статья первая – вторая. Рец. на кн.: Маркевич Н. История Малороссии. – М., 1842. – Т.1–4 // Библиотека для чтения. – 1843. – №9. – Отд.5: Критика. – С.1–26; №10. – Отд.5: Критика. – С.27–46; [Кулиш П.]. Ответ г. Сенковскому на его рецензию «Истории Малороссии» Маркевича (Киев, 1843, 16 марта) // Москвитянин. – 1843. – №5. – Отд.: Критика. – С.161–177.

драму історика, котрий певний час перебував на становищі напівкріпосного/незаконно-народженого хлопчика, що на все життя прищепило йому гостру відразу супроти мерзоти кріпосництва, з яким у нього асоціювався аристократичний устрій Речі Посполитої.

Загалом розвідка М.Костомарова репрезентувала назрілі перетворення малоросійського/українського історієписання середини 1840-х рр., які мали стати своєрідним прологом до його оновлення й переформатування. Того ж таки 1846 р. заходами О.Бодяньського світ побачила «Історія русів», літопис Самовидця з передмовою П.Куліша, другий том «Пам'яток, виданих Тимчасовою комісією для розбору давніх актів». Водночас низка студій і творів з історичними сюжетами виношувалася й писалася братчиками: 1846 р. було завершено українську редакцію першого історичного роману «Чорна рада» П.Куліша, з'явилися чернеткові нотатки М.Костомарова до доби Хмельниччини та задуми її монографічного опрацювання, плекалися проекти великих етнографічних збірок, масштабних багатотомних праць, серійних публікацій актів і т.п. Катастрофа 1847 р. обірвала, принаймні відтермінувала, перетворення, які назрівали в тогочасній українській історіографії, щонайменше на 10–15 років. Тож до низки творчих задумів колишні братчики змогли повернутися лише на рубежі дореформеної та пореформеної доби, проте вже за інших соціокультурних передумов й інтелектуальних впливів, відомих як часи петербурзької «Основи».

Зазвичай «Думки про історію Малоросії» привертали увагу дослідників епізодично, у контексті студіювання української історичної та суспільно-політичної думки XIX ст. Приміром, цій публікації М.Костомарова невеличку розвідку присвятив О.Грушевський⁸. Іноді зазначену статтю згадували при тлумаченні поглядів М.Костомарова чи висвітленні його біографії⁹. Утім, незважаючи на таке побіжне згадування й коментування, ми не змогли віднайти жодних відомостей про перевидання цієї студії.

Із перспективи нашої сучасності розвідка М.Костомарова, в якій повсякчас віднаходимо згадки про «російський світ» («русский мир»), про нестримне бажання двох його частин злитися в «єдине ціле», може продукувати доволі гострі й критичні, але поверхові злободенні асоціації з кон'юнктурним ідеологічним підтекстом. Тож акцентуємо увагу, що ця стаття – *пам'ятка історичної думки*, котра репрезентує погляди українського інтелектуала миколаївської доби, яку відділяло майже півстоліття від перших конфліктів взаемовиключних лояльностей на обширах підросійської України. Таким чином, проблеми, сюжети та ідеї, представлені у цій студії, слід оцінювати й розглядати в *історичній ретроспективі 1840-х рр.*, зокрема у світлі відповідних фахових вимог.

Текст подано мовою оригіналу за публікацією 1846 р., але за нормами сучасного правопису. Друкарські помилки виправлено без застережень, а також знято редакційну примітку журналу «Библиотека для чтения». Виділення курсивом окремих слів та текстових фрагментів передано відповідно до публікації 1846 р. До тексту подано уточнюючі примітки історіографічного спрямування. Відзначимо, що деякі посилання на перший том «Пам'яток...» М.Костомаров подав у вільному прочитанні й потрактуванні, а в низці випадків вони неточні. До цих текстових фрагментів долучено покликання на конкретні документи «Пам'яток...». Фактографічні тлумачення М.Костомарова щодо хронологічної локалізації тих чи інших історичних подій не коментуються.

**Кандидат історичних наук, старший науковий співробітник
Інституту історії України НАНУ О.В.Ясь**

⁸ Грушевський О. Маловідома стаття Костомарова з 1846 р. // Записки НТШ. – Т.79. – Л., 1907. – С.161–164.

⁹ Пінчук Ю. Вибрані студії з костомаровознавства. – К., 2012. – С.101–102.

В настоящее время наша отечественная история час от часу проясняется и достигает той сферы, в какой мы все желаем её увидеть. Очевидным доказательством служит то, что теперь любители отечественной старины постигают, что историческое знание приобретается путём строгого, последовательного анализа: следует открыть частности, поставить каждую на настоящее место и потом привести их в стройное тело художественною кистью; только тогда можем мы иметь свою историю, только тогда она откроет плодоносное поле для размышлений политика и философа. А для этого не достаточно летописей, записок, историй и даже государственных актов, касающихся общего состава нации или дел политических. Бóльшая часть писавших о русской истории впадали в ту ошибку, что занимались исключительно такими данными, которые касались всего Отечества, и упускали частные явления, по-видимому, не важные, но которые имели влияние гораздо сильнее на жизнь народа; и оттого мы только скользили по верху нашего прошедшего и впадали поневоле в ложные заключения, забывая, что философствовать над историей нельзя, пока не разберём и не усвоим самых мелочных явлений. Земля наша так велика и обильна жизнью, что даже и при строгом порядке и единстве всегда будут показываться явления, зависящие от местных и этнографических особенностей жителей; к тому ещё русский народ в прошедшей жизни разделялся постоянно на особые одна от другой политические и этнографические массы, и каждая масса имела своё долговременное отдельное существование. Поэтому, чтобы история приняла ясный обзор науки, необходимо воспользоваться такими материалами, которые касаются частей России, не только её целого: мы должны узнать сперва, как жили наши предки во всех углах русского мира и при всех обстоятельствах, а потом уже, собравши все такие сведения, узнаем, как жил народ наш.

«Памятники», изданные киевской комиссией¹, показывают существующую потребность такого исторического знания. Это издание, кроме новости и свежести своих материалов, имеет для истории два важнейших достоинства. Во-первых, едва ли не первый раз мы увидели в нём систематическое изложение исторических материалов, где каждый акт стоит на своём месте, в связи с предыдущим и последующим: это не произвольный набор всякой всячины, к которому затруднительно бывает прибегать даже для справок и ссылок, но такое стройное собрание, которое можно читать без скуки и с удовольствием. Во-вторых, изданные материалы относятся к Юго-Западной Руси, части нашего Отечества весьма любопытной, но которой события, к сожалению, не входили ещё надлежащим образом в русскую историю.

Русский народ, как известно, ещё в тёмные времена язычества разделялся на несколько племён, которые носили названия преимущественно по местам жительства. Такое разделение сохранялось постоянно, и даже теперь не исчезло: достойно замечания, что нынешние частные этнографические названия

¹ Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. – Т.1–4. – К., 1845–1859.

совпадают с теми названиями, о которых говорил Нестор. Например, в том самом краю, где жили *древляне*, говорившие наречием, отличным от соседей, находится теперь *Полесье*, тоже с отличным наречием. Наречие и даже образ жизни жителей Черниговской губернии, древних северян, в некоторой степени отличны от жителей Полтавской и Киевской губернии, древних полян. Из этого можно видеть, как неизгладимо сохраняются у нас народные признаки. Но во сто раз важнее главные коренные виды нашей народности. Независимо от мелких, порой едва заметных отличий этнографических, русский народ разделялся и разделяется на две отрасли, из которых одна называется севернорусскою или великорусскою, а другая – южнорусскою или малорусскою. Между ними никогда не прерывалось духовное единство, состоявшее в тождестве церкви и в сходных началах общественной и семейной жизни, одинаковых даже и при различном устройстве. Но, тем не менее, судьба разлучила эти две половины ещё в юношеские лета нашей исторической жизни; судьба повела их по другим путям и развила отдельно их особенности: образовывались два русские народа и оставили о себе два разные повествования. Но как этнографическое различие и политическое разделение не истребили между ими обоими духовной связи, то история каждого из них, будучи отлична и самобытна от другой, представляет одну общую идею: обоюдное стремление обеих расторгнутых частей слиться в одно тело. В самом деле, что такое нескончаемые войны и то нарушаемые, то возобновляемые договоры князей московских с литовскими, потом с королями польскими, как не следствие неистребимого сознания Северной Руси, её правительства и народа, что она не полна, что ей следует соединиться с другою половиною? Нет нужды говорить, какое важное место занимают литовские дела в нашей истории: с ними тесно связаны наши отношения к Крыму, к Швеции, ко всему Западу, так, что ежели Россия прежде Петра сближалась уже с Европою, если преобразователю пролагали дорогу его предшественники, то преимущественно это случалось через отношения наши к Польше, а идея этих отношений была неизменно одна – слияние Северной Руси с Южною.

Несравненно сильнее проявилась эта идея в жизни южной половины Руси: там она была единственною пружиною, двигавшею всю массу народа в продолжение столетий; там всякий, кто только не потерял русского чувства и имел возможность действовать в политическом мире, сознавал её, хоть бы и не совершенно. Одним словом, это соединение было долго постоянною задачею русской истории. Поэтому, чтобы понять задачу нашей истории, чтоб увидеть, как жил русский народ, как чувствовал он, как смотрел на себя и на всё окружающее, необходимо русскому историку держаться этой народной двойственности и обращать равное внимание на события в обеих половинах России, оживляемых одною идею, иначе его повествование будет неполно, взгляд односторонен и, следовательно, неверен.

Обозревая нашу прошедшую жизнь со времени просвещения русского народа христианством и вместе с тем с начала гражданственности нашей, мы видим, что история наша представляет два различных направления, вперёд и назад, от целого к дроблению и снова от дробления к целому. Соединённая

политически Россия при Ярославе была в таких же этнографических границах, в каких теперь находится *русская* земля, в смысле господствующего славянского элемента. С половины одиннадцатого столетия Русь начинает делиться, а далее дробиться так, что при таком направлении, кажется, можно бы ожидать раздробления на мельчайшие до возможности государственные *individua*. Что вышло бы из этих независимых местечек и сёл, которые, переносясь мысленно в тринадцатый век, мы вправе могли бы надеяться увидеть через два – три столетия, об этом, конечно, мы не можем произносить решительного суждения, но имеем возможность предполагать, что раздробление привело бы снова к единству, потому что, теряя между собою связь политическую, отдельные части Руси не теряли нравственной связи, и, следовательно, чем более расстраивалась первая, тем сильнее и резче выказывалась вторая, а она могла возродить новый порядок вещей. Татары не дали дойти до этого, они потрясли мгновенно и сильно русскую жизнь и остановили направление удельности и деления на части. С этих пор история обгорелой, обезлюдненной Руси представляет другое направление: стремление к единству, подобно как прежде мы видели стремление к делимости. Первый из деятелей политического мира России, показавший такое стремление, был Даниил, ему последовали его преемники на севере, между тем, как Новгород подчинил своей власти пространство от Балтийского моря до Печоры и Уральских гор. В четырнадцатом столетии это стремление выказалось уже слишком ясно и шло успешно: на севере московские князья получают прочный перевес над удельными; на западе и юге гениальный литвин осуществляет идею Даниила, подчинив своей власти Русь Южную и Западную. Удельность борется с новым направлением, но уже бессильно. Наконец, в пятнадцатом веке дробимость кончилась совершенно: из Руси образовалось две державы. Но в то время, когда покорение Новгорода и Пскова, падение князей рязанских и стародубских открыли для Руси жизнь новую, но тем не менее истинно русскую, на юге падение последнего обломка уделов Киевского княжества не оставило надежды на новую жизнь русскую, предвестив смерть русского элемента. Всё, что отличало русскую историю до татар, независимо от главных элементов веры и языка, всё это на севере стало анахронизмом и мешало полному расцвету новой, лучшей национальности: напротив, на юге оно только и могло сохранить и веру, и язык, и народность. Следовательно, для того, чтобы задача существования нашего народа совершилась, чтобы мы могли дойти до сознательного развития такого состояния, в котором можно было бы сказать, не увлекаясь страстями времени, и при свете здравого ума, что дорога, по которой мы идём, есть истинно наша, необходимо было, чтоб Русь старая, дотатарская, раздробляющаяся, удельная, вечевая, это смешение власти государя с волею городских дружин, уважение к обычаям и отсутствие права, геройская удаль, оживляющая толпу на время против чужеземцев, а потом порождающая внутренние смуты, всё, что так резко характеризовало беспокойное и поэтическое время Изяславов Мстиславичей и Мстиславов Удалых, с хорошими и дурными качествами народа, с пылкой привязанностью к религии и с вероломными союзами, с сыновнею любовью дружин к предводителям и с мгновенным увлечением обещаниями и ласкою

другого соискателя власти, с рыцарскою честью и с хитро-простодушною политикою, чтобы вся эта старая Русь исчезла перед светом новой жизни на севере. Между тем, на юге всё оставалось с прежними началами, хотя бы и в отличных формах. И вот, как бы чувствуя единым сердцем и думая единою мыслью, по выражению летописца, страна южнорусская, в самое время падения, воскрешает в себе прежние угасающие начала: является казачество.

До сих пор у нас никто не хотел видеть в казачестве древней русской жизни. Учёные наши думали провозвестить великие истины, когда говорили, будто казаки произошли из смешения народов; были попытки видеть в чертах лица и нравах нынешних южнорусов азиатское, а не славянское, производили их и от берендеев, половцев, и от норманнов, на основании подобных заключений видели в устройстве казаком нерусское начало; одним словом, решили, что казаки есть народ, начавший жить только в шестнадцатом веке и не имеющий кровной и нравственной связи с Русью Владимира и Ярослава, когда, напротив, южнорусы до татар были такие великорусы, каковы теперь жители Московской и Тульской губерний.

Мнение это было господствующим в России в прошлом столетии и часто вредило малороссиянам в то время: люди правительственные, которым верховная власть поручала дела в Малороссии, заставляли иногда эту русскую страну терпеть за то единственно, что они жителей её не считали братьями. Существуют некоторые рукописные сочинения малороссиян прошлого века, где видно желание доказать ту мысль, что Малороссия – страна русская и не заслуживает подобного обхождения великоруссов. Сильнейшими из этих сочинений можно привести два: *Разговор Великороссии с Малороссией*², где Великороссия не знает, откуда взялась Малороссия, и думает, что народ её произошёл от сброда ясов, косоогов, половцев, и потому чужд русского элемента, а Малороссия, в противность ей, представляет исторические доказательства своего русского происхождения, и так убеждает свою сестру, что та мирится с нею и навсегда обещается признать её за самую близкую родню. Другая, ещё любопытнейшая, рукопись: *Разговор Банческула с Хмельницким в царстве мёртвых*³. Какой-то Банческул, родом молдаванин, служивший в русской службе и имевший важное место в Малороссии, и во всю жизнь пользовавшийся для своего корыстолюбия самыми незаконными средствами на счёт малороссиян на том основании, что это народ нерусский, а чужой, завоёванный, и притом коварный, встречается после смерти с Хмельницким. Богдан заводит с ним разговор о Малороссии, обличает в заблуждении насчёт происхождения малороссийского народа и доказывает, что сама Великороссия обязана своим славянским существованием Южной Руси, где первоначально образовалась русская держава. Эти сочинения погребены под спудом неизвестности и не для чего было бы выводит их на свет, если бы и в наше

² *Петров Н.* Разговор Великороссии с Малороссией (Литературный памятник второй половины XVIII в.) // Киевская старина. – 1882. – №2. – С.313–365; Дополнение «Разговора Великороссии с Малороссией» // Там же. – №7. – С.137–148; *Белозерский Н.* Добавки и поправки постоянного читателя «Киевской старинь» // Там же. – 1884. – №5. – С.146–151.

³ Апокриф. Імовірно, поширювався в одному з харківських гуртків І.Срезневського (див.: Письма И.И.Срезневского к Бодянскому // Библиографические записки. – 1892. – №11. – С.780).

время некоторые не утверждали подобных парадоксов, несмотря, что исторического знания о нашем Отечестве нынче достаточно для опровержения их: большая часть мыслящих таким образом, конечно, сама сознаёт, что отступает от истины по особенным причинам. Вспомним, что делали поляки, желая доказать, что они владели Южною Русью по древнему, неотъемлемому праву. Они, например, уверяли, что Галиция и Волынь с незапамятных времён составляли собственность королевства польского и если были отторгнуты Владимиром Святым, то на время, и потом опять соединились с законным, своим, королевством; выхваляя храбрость своего Болеслава, говорили, что он завоевал и подчинил себе Киев, и смотрел на киевского князя, как на своего данника. Ещё несправедливее поступали их духовные: нам случалось читать их старопечатные книги семнадцатого века, где все привилегии королей польских, данные православным, перетолкованы так, как будто они относились только к униатам, не обращая внимания на то, что писаны тогда ещё, когда не было унии. А некоторые уверяли, что сам Владимир перед смертью признал власть папы, и что с тех пор постоянно существовала по Руси партия, благоприятствовавшая видам римских первосвященников. Теперь, конечно, такие толки могли бы только возбуждать смех; нет на свете доказательств, чтоб предки наши были поляки и католики. И что же? Не узнаем, отчего явилась другая клевета на Южную Русь. Признавая, что до татар всё было так, как говорят наши сухие, но правдивые летописцы, и как мы привыкли верить, выдумали, будто со времени нашествия монголов вся Южная Русь или Малороссия, в обширном смысле этого слова, была, исключая Киев, чистая степь, населённая впоследствии литовскими и польскими дворянами, выведившими на пусто-порожние и никому не принадлежавшие земли своих рабов из Литвы, Белоруссии и Польши. На деле выходит противное: скорее Киев можно бы им назвать степью, когда Даниил не нашёл в нём пристанища; а Малороссия, в обширном смысле этого слова, была в тринадцатом и четырнадцатом столетиях густо усеяна городами и сёлами, и находилась даже в цветущем состоянии, принимая во внимание тогдашнее время разорений. Не говоря о Волыни и Галиции, где находился центр русской силы, где было множество городов, которых теперь нет и следа, кроме тех, которых названия существуют в нынешних местечках и сёлах, в самой Подолии, которую хотят представить по преимуществу чистою степью, в тринадцатом веке были *Снопгород, Брагин, Соколица, Винница, Ушица, Микулин, Каменец, Звенигород, Новый город* и так далее. Конечно, справедливо то, что в четырнадцатом и, особенно, в пятнадцатом веке, после появления Крымского царства, народонаселение уменьшилось в пограничном крае по причине опустошительных татарских набегов, но всё-таки не исчезло; множество семейств выходило на жительство в глубину южнорусской земли: в Червонную Русь и на Волынь, а потом, когда явились казаки, защитники Южной Руси от татар, дети переселенцев возвращались на землю отцов своих, и такое-то возвращение хотели представить населением Южной Руси поляками и литовцами, уверяя при том, что эти переселенцы принесли с собою нынешний малороссийский язык. Это явная невозможность. Если б переселялись сюда из Белоруссии и принесли свой язык, то в Малороссии

бы говорили таким языком, каким теперь говорят в белорусских губерниях, а не таким, какой употребляется в Червонной Руси. Очевидно то, что переселенцы, приходившие на жительство в Подолию, Киевию и Полтавщину, выходили из Червонной Руси, Волыни и Люблинского воеводства, где и теперь простой народ говорит языком малороссийским. Притом это подтверждается и историческими свидетельствами. Это-то население, возвращаясь в землю своих предков, и составило казачество, в силу противодействия чужеземной власти, которой влияние ощутительно начало оказываться с конца пятнадцатого века. Удивительно, как можно до сих пор искать происхождение казаков, когда столько современных писателей говорят, что они были русские и подтверждает сказанное нами выше о переселении из Червонной Руси, Волыни и Люблинского воеводства русского народа к берегам Днепра и Днестра. Так, например, Зиморович⁴ обстоятельно говорит, что казачество составилось из тех жителей окрестностей Галича и Львова, которые хотели избежать повинностей, налагаемых дворянством (*augustias agrarias subterfudiebant*)⁵ и тем самым указывает, какое народонаселение переходило в Малороссию в XV и XVI веках. Пишет то же и Пясецкий, что казаки составились из русского народа, бежавшего на Украину из *русских* провинций Польского королевства, а русскими провинциями назывались Червонная Русь и Волынь. То же свидетельствует Михайло Литовец⁶, повествуя как современное событие, что русский народ, отягощённый повинностями, бежал на Украину, ища лучшей жизни, и там упражнялся в битвах с татарами. Подтверждает то же и Рудавский⁷, ясно говоря, что казаки составились *ex plebe russica*⁸. Говорят то же и Коховский⁹, и Грондский¹⁰, сам бывший в сношениях с казаками. Согласно с польскими историками, и южнорусские летописцы все в один голос говорят, что когда король Казимир Ягеллонович уничтожил Киевское княжество и, чтоб прочнее соединить русский край с польским, ввёл во всей Руси польское устройство, он учредил пожизненное помещичье право под названием староств и кастелянств, усилил власть дворянства и образовал из военного сословия дружин княжеских и городских низшую степень дворянства, *шляхтичей*, даровав им и всему вообще высшему сословию права, клонившиеся к угнетению простого народа; то прежде вольные местечки и сёла давались в награду дворянам в пожизненное владение и, таким образом, вольные люди, но не шляхтичи, должны были сделаться рабами. Тогда дворянство начало утеснять своих подданных, а простые люди не привыкли ещё к невольничьей жизни, по выражению летописи; и отважнейшие, покидая свои жилища в староствах, ушли в пустые места на берега Днепра, Конки, Самары, и там жили в непрерывных войнах с татарами. Вскоре явился между ними гениальный человек,

⁴ Бартоломей Зиморович (1597–1677 pp.) – польский историк и поэт, бургомистр Львова (1640–1660 pp.).

⁵ Имовірно, перекручений латинський вираз: «Земні уникали величних».

⁶ Михалон Литвин – літературний псевдонім невідомого автора латиномовного полемічного трактату «Про звичаї татар, литовців і московитів».

⁷ Вавжинець-Ян Рудавський (1617–1674 pp.) – польський історик.

⁸ «Из русского простолюду» (лат.).

⁹ Веспасіан Коховський (1633–1700 pp.) – польський історик.

¹⁰ Самуїл Грондський – польський історик XVII ст.

Остап Дашкевич, русский и православный, и дал беглецам правильное устройство в духе древней Руси: дела, касавшиеся всего общества, должны были решаться посредством *рады*, народного собрания, заступившего место древнего веча, а исполнительная власть находилась в руках выборного чиновника, *атамана* или *гетмана*, которого обязанность состояла в праве судопроизводства, военного начальства и управления. Он же поставлял второстепенных чиновников. Этот правитель имел то же назначение, что князь в старину: отличие состояло в том, что право князя, сверх народного призвания, опиралось ещё на происхождение; но сначала и в казацком сословии происхождение принималось во внимание: мы видим первых казацких начальников из знатнейших удельных фамилий; впоследствии, когда эти фамилии потеряли в себе русский элемент, казачество избирало начальников единственно по личным достоинствам. Первоначально казачество явилось в роде тех маленьких княжеств, какие часто появлялись в удельный период и потом нередко исчезали. Оно занимало Поднепровский край с городами Черкассами, Каневом, Трахтомировом, и сверх того с укреплением на острове Хортице. Но как по месту жительства казаки должны были вести беспрестанные войны с татарами, врагами и грабителями Южной Руси, то это удерживало их в постоянной связи с Южною Русью, из которой они выбежали, и за которую теперь должны были сражаться; защищая же Южную Русь, они защищали и Польшу, с которою Южная Русь составляла одно политическое тело. И так они скоро вошли в состав Польского королевства как русское вольное сословие. Казачество имело две идеи своего существования: защищение христианства от неверных и охранение русской веры и народности от покушения католиков и польского панства. И оттого-то покорность церкви, черта удельности, отличает Южную Русь в период казацкий. По мере того, как глубже укоренялась польская власть в Южной Руси, вольные люди более и более попадали под иго аристократии, а дворяне утрачивали русские нравы, русский язык, а, наконец, утратив и саму веру, сделались совершенными поляками, разорвали внутреннюю связь с русскими своими поданными и, почитая их народом чуждым для себя, начали поступать с ними варварски. Тогда открылись возмущения крестьян против владельцев, и казаки, столь близкие к крестьянам и по происхождению, и по языку, и по вере, стали для последних образцом свободного русского народа, так что сделаться свободным для крестьянина значило сделаться казаком. Крестьяне нашли себе способ освобождения, записываясь в казацкое сословие, и это сословие так, наконец, увеличилось и, по мере стремления панов к ограничению его многочисленности и прав так ожесточилось против дворянства, что в XVII столетии вспыхнуло всеобщее восстание южнорусского народа, под предводительством казацкого вождя. Всякий, искавший свободы, вступал в казаки, то есть военное звание, и шел на брань против Польши и, таким образом, из отдельного вольного сословия образовалась целая держава, которая, подобно Новгороду, Пскову и удельным княжествам, остаткам раздробленной Руси, примкнула к центру новой русской жизни, Московскому царству, под именем Малороссии.

Вот в коротких словах история так называемой Малороссии. Как скоро исполнилась задача этого явления в нашей истории, сохранена была вера и народность в южном крае русского мира, установилась идея соединения всего достоинства Владимира и Ярослава в одно политическое тело, казачество исчезло, как ненужный остаток древней русской жизни. А потому, отлагая в сторону всякие патриотические *pro* и *contra*¹¹, можно приступить к вопросу: на чьей стороне была справедливость в борьбе казачества с Польшей? Вопросу, который многих теперь занимает. Представлять казаков какими-то кавалерами с западными жантильными¹² понятиями, выставлять на вид их великодушные и скрывать пороки и варварство, и между тем чернить их врагов даже с примесью оскорбительной брани; верить самому ложному сказанию, если оно льстит народному самолюбию, и отвергать правдивое, если оно бросает тень на народный характер, это нелепо. Но, с другой стороны, всякий благоразумный мыслитель, исследуя борьбу казачества с польским дворянством, скажет, что правда была на стороне казаков как сословия, имевшего задачей своих действий освобождение несчастного, угнетённого класса от убийственной олигархии. Несмотря на то, есть несправедливые порицатели казачества, как есть пристрастные защитники. Мы читали и слышали самые дикие суждения о казаках, и уверены, что их выпускают с целью унижить достоинство южнорусского народа. Эти суждения кружатся в общественном мнении и вредят истинному взгляду на русскую историю.

Сколько помнить можем, противники казачества обыкновенно выставляют четыре клеветы на южнорусский народ: 1) желая представить, что в борьбе казаков с поляками последние были правы, думают это доказать тем, что казаки, в обширном смысле целый народ украинский при Хмельницком, были бунтовавшие холопы, хотевшие освободиться от законной гражданской власти; 2) говорят, что поляки вовсе не начали ни с сего, ни с того утеснять казаков и народ русский, а единственно хотели приучить буйную толпу к порядку и повиновению, искоренить своеволие, пагубное для них и для соседей, и что жестокости над казаками, преувеличенные во сто раз в рассказах малороссийских историков, происходили в отмщение за разорения, чинимые этим необузданным сословием в польских областях; 3) будто сословие казацкое, распространяясь по Южной Руси, было нечто в роде янычар или мамлюков, тиранская военная толпа, угнетавшая народ и правившая страной деспотически; 4) будто народ малороссийский, поддавшись московским государям, изменял им несколько раз, по обыкновенному своему вероломству.

На первое положение не стоит возражать в девятнадцатом веке, чтоб не доказывать аксиому. Что касается второй клеветы, будто казаки восставали на поляков за то, что поляки хотели их приучить к порядку, то эта ложная мысль не новость: она давно служила отговоркою полякам, когда они теснили русский народ. Татары делали беспрестанные нападения на Южную Русь, вводили из неё пленников для продажи в Турции; за это казаки вели с ними беспрестанную войну, жгли крымские и ногайские улусы, нападали на турецкие

¹¹ «За» і «проти» (лат.).

¹² Від фр. «gentil» – «манірність, кокетування».

приморские города и отплачивали врагам их же монетою. Турки жаловались Речи Посполитой, а полякам такие жалобы были и на руку, потому что одни казаки препятствовали панам совершенно поработить Южную Русь, убить в ней национальное и религиозное самосознание и сделать русских рабов бессмысленными, бесчувственными к побоям животными. Преследуя казаков будто бы за то, что они раздражают соседей, паны только прикрывали благовидною причиною другое желание. Слепленные эгоизмом, занятые мелочными распрями, предавши в руки евреев всю промышленную деятельность, паны бражничали в своих замках на счёт несчастного русского народа и не помышляли о том, что Речь Посполитая со временем рухнет на посмеяние языкам, потому что, ради сострадания к хищническим ордам, не позволяли казакам воевать с врагами христианства и цивилизации, не позволяли им избавить Польшу от опустошений, открыть для неё море и способ к развитию торговли, доставить ей влияние на востоке, одним словом, не позволяли казакам спасти Речи Посполитой. Не к гибели, а к величию и благоденствию вело Польшу казачество уже и потому, что оно одно только, с своим русским взглядом, враждовало против губительной анархии и уважало монархическую власть. Но панство польское опасалось, чтоб казаки, возвысившись, не ограничили дворянского своеволия, и потому требовало, чтоб они, сложа руки, сидели, когда татары будут грабить русские сёла. Сами польские историки сознаются в том, что казаки были очень нужны для Польши; вот, например, что говорит Пясецкий¹³: «Утеснение казаков приносило пользу частным видам дворян и вред нации; наше потомство почувствует вполне это, когда, вместо деятельного и всегда готового на брань казацкого сословия, должно будет содержать на счёт народа гарнизон в Кодаке и обороняться от татар наёмными и по тому уже одному неверными войсками». Несправедливо говорят, будто бы казаки грабили Польшу, прежде чем поляки сами подали повод к неприязненным против них действиям. Не ссылаемся на русских историков; сами польские единогласно признают, что дворянство побудило казаков к мятежам. Приведём несколько тому доказательств. Грондский, писатель достоверный, знавший казаков по сношениям с ними, в своём сочинении *De bello cosaccopolonico* (стр.31–34)¹⁴, исчисляет более пятнадцати причин возмущения казацкого сословия, и эти причины истекли от польских панов и состояли в несносных поборах с народа, тиранстве над подданными и более ещё в унижении греческой религии. Коховский, везде восхваляющий подвиги своих соотечественников против казаков и унижающий последних, сознаётся также, что казацкие мятежи произошли от притеснений со стороны дворян и, в особенности, от наглости евреев (*Ann. Pol. climat. 1–27*)¹⁵. Львовский каноник Иозефович в своём летописце¹⁶ выразился так о панах польских: «*Nobilitatem se supra homines aestimasse, et*

¹³ Павел Пясецкий (1579–1649 гг.) – польский историк.

¹⁴ *Grondski S. Historia belli Cosaco-Polonici.* – Pestini, 1789.

¹⁵ *Annalium poloniae ab obitu Vladislavi IV Clivmacteres scriptore Vespasianoa Kochovo Kochovski.*

¹⁶ Ян-Томаш Юзефович (1663 – бл.1729 гг.) – польский историк зі Львова, автор хроніки «Зауваження про життя львівських архієпископів».

Cosacos per arrogantiam intolerabilem oppressisse»¹⁷. То же читаем и в «Польской истории» Рудавского, и сам Пасторский¹⁸, до чрезвычайности пристрастный, признаётся, что и со стороны панов польских была вина. И так, когда поляки-историки, жившие в эпоху разгара вражды с казацким сословием, показали столько благородства, что не скрыли истинных причин этой вражды, то не удивительно ли покажется, если в девятнадцатом веке есть люди, проповедующие, будто одни казаки были виноваты, а поляки правы?

Противники казачества говорят, будто казаки захватили власть в Малороссии и тиранствовали над народом. Видим изуродование исторической истины. Во-первых, народ образовал сам из себя казачество, следовательно, здесь и речи быть не может о завладении казаками Малороссией; а во-вторых, собственно казацкое сословие не порабощало прочих сословий: в городах было правление, независимое от казаков, и основанное на магдебургском праве, по которому сами мещане заведовали управою, в сёлах были выбранные общиною войты, сотские, десятские. Помещичьих владений не было, а только ранговые, приписанные к чину, а не к лицу, а всегда существовали правила, по которым крестьяне работали на владевшего ими чиновника. Если же случались злоупотребления, то где обходится без них! Встречаем мы примеры и вражды казацкого сословия с неказацким, но всё-таки неказацкое сословие не подпадало под ярмо казаков, а только происходили междоусобия; но где партии борются, там нет порабощения.

Относительно к упрекам, делаемым Малороссии в неверности её народа к русским царям, скажем, что, во-первых, измены в казацком сословии происходили от тех лиц, которые по жизни и понятиям были больше поляки, чем казаки; а во-вторых, народ их и не слушал. Чтоб видеть, как малороссияне принимали крамолы своих ополячившихся соотечественников, советуем заглянуть, хотя [бы] в Коховского, где подробно описано, какое влияние произвела на народ измена Выговского. Ни один из историков до сих пор не сказал, чтоб планы Мазепы имели сочувствие в народе. Если же когда народ оказывал неудовольствие к московскому правительству, то единственно из страха, чтоб его не отдали снова Польше.

Да когда бы казаки были неверны России, то почему в народной поэзии южнорусской, богатой памятью событий до того, что каждая мысль и каждое чувство народное в ней отразилось, не осталось ни одной песни, где бы изъявлено было негодование к правительству или соучастие к преступным замыслам крамольников; напротив, народные песни говорят, что у Выговского *було сердце, як камень, а разум бесовський*, а Мазепе обыкновенный эпитет: *пёс проклятий*. И потому напрасно упрекают народ южнорусский приведением на память некоторых измен и крамол: они невольно доставили честь народу, потому что послужили пробным камнем к испытанию его верности к законной власти. Одним словом, все этого роду выходки бессильны унижить малороссийский народ и на них бы не стоило обращать внимание; но, к сожалению, их нередко выпускают в свет люди, которые пользуются по своей учёности

¹⁷ «Шляхта ставила себе над народом, і козаки зазнавали нестерпних утисків» (лат.).

¹⁸ Вірогідно, Йоахим Пасторій (Пасторіус; 1611–1681 рр.) – польський історик.

заслуженной репутацией в публике, а потому они опасны в том отношении, что запутывают прошедшие события, и так как всякая ложная система вредит истине в науке, то желательно было бы, чтоб и клеветы на казаков и Малороссию рассеялись от света исторического знания. Издание, предпринятое Киевской археографической комиссией – явление предрагоценное в этом отношении.

Собранные в первом томе памятники разделяются на три отдела: в первом заключаются акты, относящиеся до луцкого Крестовоздвиженского братства. Братства были явлением самым благороднейшим в русской жизни и давно бы следовало было на них обратить внимание, но, к сожалению, они известны до сих пор были только по имени. Акты, заключающиеся в киевском издании, имеют важное достоинство исторической новизны.

В начале семнадцатого века, когда в Южной Руси католичество пыталось искоренить православную веру, а польское дворянство – русскую народность, православие естественно должно было дать отпор насилию. Но как чисто христианское учение восточной церкви строго воспрещает всякие такие меры сопротивления и самоподдержания, в которых высказывалась бы вражда к гонителям и врагам, как и хитрость, и бранчивая духовная полемика, и правило – цель освящает средство, столь бессовестно употребляемое иезуитами, православию были чужды, то оно противопоставило католичеству иного рода оружие. Православные думали утвердиться между собою духом любви против гонения и показать не на словах, а на деле и своё право, и превосходство своей церкви, состоящее преимущественно в том, что она свято держалась чистого учения апостолов и первых отцов церкви. Для этого православные дворяне Волыни, соединившись с мещанами города Луцка, *видя, что ... любопрелестницы мудрованием и мнением своим от Христовыя известныя веры верных спрных преманити тщатся* (стр.213), с соизволения константинопольского патриарха построили в Луцке церковь Воздвижения¹⁹, учредили при ней богадельню и училище, обязались содержать их на свой счёт, и сами все, прильнувши к такому учреждению, составили общество, которого основанием было: находиться в постоянном согласии и поддерживать взаимно православие примером чистых нравов и добрых дел. Такое общество названо братством и утверждено грамотами патриархов. Главное условие его было исповедание православной веры. Патриарх Кирилл в своей грамоте доказывает, что такое учреждение было не новостью, но составлено по образцу тех братств или конгрегаций, какие существовали между первыми христианами. Положения в уставе юного братства²⁰, изданном комиссией, были таковы: чтобы сохранить многозначительную связь русской церкви с греческою, братство должно было находиться под непосредственною властью константинопольского патриарха, который посвящал, по соизволению членов, пресвитера, а пресвитер выбирал, также по согласию членов, из них же четырёх старост, и им вверялась

¹⁹ Грамота патриарха Феофана на сооружение в Луцке Крестовоздвиженской церкви с правом ставропигии 1620 г. // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. – Т.1. – Отд.1. – С.13–21.

²⁰ Грамота патриарха Кирилла, содержащая устав Луцкого братства. Ок. 1623 г. // Там же. – С.36–54.

исполнительная часть ряду²¹ над братством. Все братья разделялись на старших и младших: под первыми разумелись дворяне, под последними – мещане и простые люди, но между ними наблюдалось христианское равенство, и это достойно замечания, как отличие обращения дворянства православного с простым классом от обращения с низшими себя панов-католиков. Братья имели свои собрания, которые разделялись на большие и малые: большие бывали по разу в месяц, а малые – каждую неделю в воскресенье и сопровождалась вкладом известной суммы в общее казнохранилище. Собранные деньги хранились у четырёх старост, обязанных давать в них строгий отчёт в больших заседаниях братства и не могли употреблять их иначе, как с общего решения в одном из таких заседаний. Каждый брат обязывался избегать ссор и несогласий с братьями; все должны были помогать обедневшему или обидимому брату; дела каждого были открываемы в заседании, братья подавали советы, иногда и присуждали провинившемуся брату наказание. Связь братьев не прерывалась и по смерти: молиться за умерших, присутствовать при отправлении панихид по ним считалось одним из главнейших условий братства. В скором времени учреждены были при братстве и монастырь, в котором иноки, сверх обыкновенного устава св. Василия, обязывались исполнять правила братского устава, так что братья разделялись на мирских и монашествующих; последние жили в совершенной общине с первыми: они избирали игумена и четырнадцать монашеских чинов в общем заседании. Игумен и монахи имели влияние на светских, обличали их проступки, давали советы к спасению, но светские обязывались не допускать игумена до любоначала и могли лишить его сана по усмотрению. Игумену и монахам предоставлялось попечение о церкви, надзор за церковными вещами, управление певческой, но во всем они обязаны были советоваться с светскими братьями. Содержание иноки получали от собственных взносов, с каждого поступающего, от доходов со свечей и просфор, от огородов и земель, приписанных к братству и, наконец, от занятий ремеслом, в числе которых приличнейшим поставлено типографское. Все доходы и расходы поверялись в братском заседании. Впоследствии братство владело разными дареными имениями; некоторые из дарственных записей сохранились и напечатаны в «Памятниках». Но ещё большее старание, говорит устав монастыря братского, «должны мы прилагать о церкви внутренней духовной. И потому игумен обязан так заботиться и стараться о духовной церкви, то есть о членах Христовых, как о собственной душе и о своём спасении; то есть, непрестанно думать, с другими советоваться, и с ними бывая на народной сходке совместно заботиться о том, каким способом овец Христовых пасти и хранить в ограде; как отступающих приводить к вере; как малодушных и колеблющихся утверждать; как робким придавать мужества; как освещать правдою веры сомневающимся; как любимцев мира направлять к любви Божьей; как скупцов и жадных доводить до щедрости; одним словом, иметь о спасении каждого такое попечение, чтобы всякий член в церкви Божьей получал приличное и действительное лекарство от своей болезни душевной».

²¹ Тобто угоди.

В числе многих актов, относящихся до братства, помещён и устав луцкой школы²², очень любопытный, потому что показывает взгляд братий на просвещение. Основанием просвещения полагалось не многознание, не мирская мудрость, но кротость и благонравие. Учили читать, писать, арифметике, словесным наукам и греческому языку; о латинском не упоминается. Вероятно, основатели, обращая внимание на один греческий язык, имели в виду установить на Руси прочную связь с греческим миром, что нужно было для религиозного образования и для поддержания веры, в то время ни чем так легко нельзя было рассеять узлов латинской диалектики, как свидетельствами святых отцов в оригинале. Это прекрасное учреждение не укрылось от злобы католичества: «В 1634 году двадцать четвертого мая, схоластики иезуитского коллегия, подучивши с собою разного роду ремесленников-католиков и униатов, ворвались в двор братства с палками, саблями и другим оружием, разогнали побоями мальчиков из училища, били и мучили, нанося удары и кровавые раны бедным и увечным людям в богадельни, старикам и старухам, несмотря на их увечья. Также палками и камнями били некоторых духовных особ, которые, вышедши из своих келий, увещевали тех злодеев ласковыми словами не делать такого неподобного насилия; а именно, игумену того монастыря, почтенному отцу Псаакию, нанесли удары камнями и кирпичами по руке, спине и шее; а других иноков вдогон палками или кольями по спине, шее, куда и чем попало жестоко и безжалостно били и наносили удары, оставляя знаки синие, кровавые и опухоли весьма опасные, и кого только поймали, лишь бы только был русский, без всякого сострадания саблями, палками, кирпичами били, колотили, мучили ... разбили два сундука в богадельне, забрали деньги, побили камнями окна в церкви. Двор церковный и церковь окровавили»²³. Такие неистовства совершались после того целую неделю над православными жителями Луцка. Любопытно видеть, как православные защищались тогда от католиков: вместо отплаты подобным, вместо браней и полемики, вместо ожесточения они составляли совещание, где положили *терпеливо и покорно сносить все обиды, не мстя за себя ни словами, ни проклятиями, ни иными поступками, ни через какие средства* (стр.224); а между тем признавая, что отступники сделались таковыми, что были невежественны, неблагочестивы жизнью, властолюбивы и корыстолюбивы, положили стараться самим избегать подобных слабостей и, напротив, преуспевать в противоположных им добродетелях христианских. Духовным *светобливе, чистотне, непорочне и справедливе веру церкви всходное и патриархов з целого и щирого сердца и души любити, грех, несправедливость и всякую нечистоту, фальш, злости, не щирость так з духовных як из светских выкореняти, бо пока в нас грехи, поты не можно нам повстати, наконец и смерти всякия яко мученицы охотне подымати*; между тем, укрепившись нравственною силою любви христианской, распространять просвещение: *книги на оборону благочестия*

²² Первый устав Луцкой школы // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. – Т.1. – Отд.1. – С.83–93.

²³ Протест о нападении схоластиков езуитской коллегии на братство луцкое. 1634 г. // Там же. – С.204–223.

писати, школы фундовати по местех братства фундовати и проповеде в церквах абы каждой недели и праздников была. Таковы меры к защите православия приняло Луцкое братство в своём совещании, за обнаружение которого нельзя достойно [не] благодарить издателей. Это величайшее сокровище для истории нашей церкви и нашего народа. Таков был дух православия в Южной Руси, столь истинно-христианский и совсем не сходный с правилами католичества. Не должно следовать, говорит в конце это совещание, тому безбожному правилу, что если б папа тьму людей повлек с собой в ад, никто не должен сказать ему: стой, что ты делаешь! Ежели наши архиереи и другие начальники допустят делать себе замечания, и будут творить всё предписанное, то отцы в сынах, а сыны в отцах пребывать будут, и так последует согласие и приверженность к ним народа (стр.261). При таких условиях и стараниях и уния должна прекратиться²⁴.

Второй отдел заключает в себе акты о правах и обязанностях владельцев поземельной собственности в отношении к крестьянам. Этот отдел любопытен и важен для истории нашего права и нашего старого хозяйства, важен он потому, что указывает на несчастное состояние крестьян под властью польских панов. Уже давно Кониский²⁵ уверял нас, что паны отдавали на аренды евреям православные церкви. Поляки и противники казачества называли такие известия ложью и указали на польских и малороссийских историков, которые об этом не говорят ни слова. В самом деле, и была причина сомневаться, потому что история Кониского во многом неверна и неточна; но теперь мы видим ясно и несомнительно, что Кониский прав в этом случае до известной степени. На странице 96–112 «Киевских памятников», напечатан лист пана Якова Лысаковского, данный арендаторам пану Якову Миклашевскому и несвижскому еврею Песаху, в котором помещик отдаёт в аренду имение в Холмском повете Слущ Черборский²⁶ и, вычисляя все угодья, какими арендаторы должны пользоваться, говорит: «Со всем правом, управлением и властью ничего на себе, а ни на потомки свое право панованья и власности не зоставуючи и зо всеми малыми и великими с тех имен приходячими пожитками и доходами, з дворами, будованьем, загородами, виноградами, садами, хмельницами, гумнами оборами ... путными и их службами с церквами и подаваньем их и зов сими людьми тяглыми и не тяглыми и прочее». Могут, впрочем, ещё возразить: быть может, право на церкви относится не к еврею, а к пану Миклашевскому; но в записи это не оговорено и так как всё управление дано обоим арендаторам на равных правах и без исключений в пользу одного из них, то, конечно, вправе мы предположить, что и управление церквями, поставленными наравне с скотскими дворами, относилось также к еврею. В других напечатанных здесь подобных арендных записях о церквях не говорится;

²⁴ Советование о благочестии. 1621 г. // Там же. – С.224–251.

²⁵ Георгій (Кониский) (1717–1795 гг.) – церковный дьяч і письменник. У 1840-х рр. уважався автором «Історії русів».

²⁶ Арендный лист пана Якова Лысаковского пану Миклашевскому и жида Песаху на имение Слущ Черборский, с церквами, крестьянами и правом казнить крестьян смертью (1596, 1 января) // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. – Отд.2. – С.96–112.

но зато во всякой из них предоставляется евреям-арендаторам совершенно произвольный суд над крестьянами, с правом казнить их смертью. На странице 66–82 помещён лист князя Пронского пану Адаму Буркацкому и еврею турецкому Абрамку²⁷, где сказано, что в отдаваемых им имениях во Владимирена-Волыни, они (не только пан, но и еврей) имеют право *подданных судити, винных и непослушных водлуг выстунков и без апелляции до нас карати бы теж и горлом (смертью), а о тое мы сами, а ни потомки наши жадной трудности им задавати не маем*; а на страницах 83–95 напечатан ещё драгоценнейший акт²⁸, доказывающий, что и самим евреям, без участия другого арендатора, паны предоставляли те же права: князь Григорий Коширский отдал *славному пану еврею Абрамку Шмойловичу и жене его Рикле в аренду местечко Кошар, Кошур Старый, Кругель, Краснодубье, Городелець, двор и село Мезов и Мезову селище Борзовую Черемшанку*, со всеми крестьянами и их доходами, предоставляя арендатору *поданных всех судити, рядити, винных и непослушных подлуг выстунков их винами и горлом карати*. После этих памятников вопрос, кажется, решён и о возмущении малороссийского народа против Польши, и о том, что такое было панство польское.

Третий отдел заключает в себе материалы для истории Малороссии. Все акты, числом восемьдесят шесть, относятся к первым двум годам восстания Хмельницкого, 1648–1649, и исключая *реестра кривд казацких*, напечатанного при статье Мацiovского²⁹ о казаках и дневника послов королевских, приезжавших в начале 1649 года в Переяславль, помещённого в IV томе книги Немцевича «*Zbiór pamiętników o dawnej Polsce*»³⁰, в первый раз, сколько помнит можно, появляются в печатном мире. Они важны и потому, что показывают состояние умов в то время, и потому, что разъясняют порядок действия: в летописях наших встречаются большие противоречия как в числах, так и в рассказах событий. Описания некоторых происшествий, заключающихся в этих актах, разногласят с летописями как польскими, так и русскими. Так, например, Коховский, Рудовский, Грондский и малороссийская летопись говорит, что Хмельницкий убежал в конце 1648 года в Сечь, а одна летопись малороссийская назначает даже время прибытия его в Сечь – первое декабря; прежде же того он пробыл около, или более месяца на острове Буча. Но из писем Луки Мясковского, служившего тогда в польском войске, видно, что Хмельницкий находился в последних днях марта 1648, между тем, как Кониский полагает в это время взятие Кодака. В летописях Коховского и книге «*Pamiętniki o wojnach kozackich*»³¹ говорится о поражении Кривоноса Вишневецким двадцать пятого июля 1648 года, а здесь то же поражение приписывается

²⁷ Лист его милости, князя Пронского, кастеляна троцкого, пану Адаму Буркацкому и жиду турецкому Абрамку, данный 1595 года, 19 мая // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. – Отд.2. – С.66–82.

²⁸ Лист его милости, князя Григория Коширского, и его жены, данный жиду Абрамку Шмойловичу (1595 года, мая 24) // Там же. – С.83–95.

²⁹ Вацлав-Александр Мацейовский (1793–1883 гг.) – польский историк и правник.

³⁰ *Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopismów tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych, wraz z listami oryginalnymi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym / Przez. J.U.Niemcewicza. – Т.1–4. – Warszawa, 1822.*

³¹ *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego nieznanego autora. – Wrocław, 1840.*

Доминику Заславскому, который как мы думали прежде, стоял без действия под Глинянами в то время. Наконец, взятие Кодака и Жёлтоводская битва относятся к маю 1648, а не к апрелю, как следовало бы думать. Помещено письмо Гродзицкого, коменданта кодацкого, от пятого мая, из чего можно заключить, что Кодак был тогда ещё не взят. Помещено также письмо синдика львовского, где говорится, что сын Потоцкого атакован был первого мая, а совершенно разбит двадцать шестого. Но вместе с тем говорится, что паны гетманы пришли под Корсунь третьего мая, а разбиты двадцать шестого. Здесь путаница в событиях. Как Хмельницкий мог в одно время действовать на различных пунктах? По другим реляциям, здесь не помещённым, видно, что Жёлтоводская битва была в апреле, а Корсунская пятнадцатого мая, на Зелёной Неделе, а как в тот год Светлое Воскресенье было в один день с Благовещением, то это сказание достоверно. Если же битва Жёлтоводская была в апреле, то и Кодак взят в этом месяце, потому что пленного Чарнецкого, захваченного в Жёлтых Водах, Хмельницкий отправил в Кодак, из чего должно предположить, что в письме Гродзицкого следует читать: от девятого апреля, а не девятого мая; в противном случае битва Корсунская должна происходить уже в июне, между тем как все историки и реляции полагают её в мае.

Нам остаётся только желать, чтоб комиссия продолжала свои прекрасные труды и не замедлила познакомить нас с дальнейшими деяниями Хмельницкого. Тогда эта знаменитая эпоха могла бы быть разработана как следует, и оживиться под пером искусного историка-художника, а эта эпоха достойна мастерской кисти.

The article by M.Kostomarov entered below examines the informative situation that was formed in the Ukrainian historical thought in 1846. M.Kostomarov touches upon the issue of "two branches of Russian nation". Later this question became a well-known formula about "two Russian nationalities". Author advances the thesis of two stages in Cossack existence and defends the thought about necessity of society presentation as peculiar spiritual organism.

Keywords: *Ukrainian historiography, Kostomarov, 1846.*

